

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ПОД ВЕЧЕР

Николай Гарин-Михайловский
Под вечер

«Public Domain»

1892

Гарин-Михайловский Н. Г.

Под вечер / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1892

«В гостиной с мягкой мебелью сидело целое общество. В открытые двери виднелись большая терраса и спускавшийся к реке сад...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1892

© Public Domain, 1892

Николай Гарин-Михайловский

Под вечер

В гостиной с мягкой мебелью сидело целое общество. В отворенные двери виднелись большая терраса и спускавшийся к реке сад.

– Если Вася не разобьет барометра, – проговорила молодая девушка с веселыми серыми глазами, сестра владельца имения, Вера Николаевна Плетнева, – я не я буду. Каждую минуту: тук-тук-тук. Тук-тук-тук...

В комнату вбежал пятилетний стройный, живой мальчик с босыми тоненькими ножками. Он на мгновение остановился, показал всем свое покрасневшее личико, сверкнул возбужденными, полными жизни глазами и, заметив отца за любимым занятием, проговорил просительно, но уверенно:

– Папа, и я...

Отец поднял общего баловня. Мальчик, сделавшись вдруг сосредоточенным и серьезным, осторожно постучал пальчиком по стеклу барометра.

– Володя, ты покрепче, кулачком, – посоветовала молодая тетка его и весело рассмеялась.

– Ну что, будет дождь? – спросил отец, опуская его.

– Будет! – быстро и весело, болтнув ногами по воздуху, прежде чем стать на пол, вскрикнул мальчик.

– Молодец мужчина! Теперь иди к тетке и покажи ей язык.

– Ва-а-ся! – протянула жена его Марья Александровна, оставляя работу и ласково любясь на мужа.

– Мило, очень мило, – проговорила сестра. – Как ты думаешь, Володя, кто умнее: папа или ты?

– Папа, – ответил мальчик.

– А я думаю, что ты, – сказала Вера Николаевна.

Мальчик неопределенно уставился на тетку.

– Володя, а кто умнее: ты или тетя Вера? – спросил Василий Николаевич. Мальчик пылливо посмотрел на тетку и, сверкнув глазами, лукаво ответил:

– Не знаю.

Все рассмеялись.

– Ах ты скверный мальчик! – вскрикнула тетка, делая вид, что хочет схватить его. Но мальчик, взвизгнув и сверкнув еще раз на всех своими смеющимися глазенками, быстро исчез из комнаты.

Смеялся Василий Николаевич, смеялся, как-то весь сморщившись, доктор Павел Андреевич Лесовский, точно давясь своим «хи-хи-хи», улыбалась Марья Александровна своей обычной улыбкой, выражавшей все ее душевное спокойствие и удовлетворение. Улыбалась и Вера Николаевна, маскируя желание чем-нибудь отпарировать удар.

– Я ничего... я ничего... ха-ха! Устами младенцев... ха-ха!

– Вася, ну что ты пристал к Вере? – спокойным, приятным, немного певучим голосом проговорила Марья Александровна.

– Оставь его, – горячо проговорила Вера Николаевна, – он без барометра и меня жить не может. Не барометр, так я...

– Ха-ха! – сконфуженно пустил Василий Николаевич и, смазав лицо себе рукой, снова машинально подошел к барометру.

– Ну вот...

– Ха-ха! – опять рассмеялся Василий Николаевич и, махнув рукой, проговорил: «Ну вас» – и вышел на террасу.

– А мы тоже пойдем? – обратилась ко всем Марья Александровна.

Все трое вышли на террасу.

Марья Александровна втянула в себя свежий вечерний аромат поливаемых цветов, прищурилась на заходящее солнце и, проговорив «хорошо», села в удобное гнущее кресло. Доктор подсел на ступеньки террасы, а Вера Николаевна остановилась в дверях и, то поднимаясь на носках, то снова опускаясь, не знала, что лучше: присесть или уйти.

– Ну, что еще? – спросил Василий Николаевич, останавливаясь перед ней.

Вера Николаевна скользнула по нему глазами и проговорила:

– Ну, теперь к барометру.

– Ха-ха! – рассмеялся, круто повернувшись от нее, Василий Николаевич и стал шагать по террасе.

– Так, как сказал Володя...

– Да что ты радуешься на Володю, – быстро проговорила сестра, садясь в кресло подальше. – Ты знаешь, что Володя в меня.

– Конечно! – фыркнул Василий Николаевич.

– Ну пожалуйста, – проговорила Марья Александровна, не отрываясь от шитья, – Володя в дедушку.

– И я в дедушку!

– В моего дедушку, – спокойно проговорила Марья Александровна и положила работу на колени. В то время, как все лицо ее оставалось серьезным, глаза ее весело, добродушно, лукаво смеялись, смотря на Веру Николаевну. Этот неожиданный сюрприз, комичный контраст тонов обеих, вызвал дружный смех.

Веселее всех смеялась сама Вера Николаевна, как-то избалованно откинувшись на спинку кресла.

Марья Александровна продолжала смеяться больше глазами, красивыми, ясными, спокойными, с тем выражением мягкой силы и безмятежной тишины, которые так манят к себе, так незаметно втягивают в сферу своего удовлетворения, так добровольно подчиняют себе мягкой силой любви.

– Ну, хоть и в твоего дедушку, – помирилась Вера Николаевна, – а все-таки не в Васю...

Марья Александровна опять принялась за шитье. Работа доставляла ей видимое наслаждение, в ней она как будто и черпала свою тихую, ясную свежесть, свой веселый юмор и добродушие. Оторви ее от этой деревенской обстановки, перенеси в городскую – обычной светской жизни, – и, может быть, ее манеру назвали бы простоватой, а сама она, заняв место где-нибудь в стороне от главного течения, была бы не опасной конкуренткой светским дамам. Но здесь она была царица, здесь она властно подчиняла все своему влиянию, в ней отражался и чувствовался весь этот тихий, ясный догорающий день. В Вере Николаевне, наоборот, чувствовался городской житель, томящийся и скучающий.

– Конечно, – продолжала Вера Николаевна, отвечая на фыркание Василия Николаевича, – ты комок нервов, вот тот барометр, а Володя живой, здоровый мальчик.

– Комок нервов... – опять фыркнул как-то про себя Василий Николаевич, продолжая ходить по террасе.

– Ну, ты только не сглазь, пожалуйста, – проговорила добродушно-певуче Марья Александровна.

– О! – весело и в то же время с некоторым испугом быстро вскочила Вера Николаевна. – Чур-чур, наше место свято, я лучше играть пойду.

– То-то, – усмехнулся ей вдогонку Василий Николаевич.

Немного погодя из открытых окон столовой полилась тихая, нежная, легкая музыка.

– Хорошо играет Вера Николаевна, – проговорил доктор.

– Хорошо, – проговорил Василий Николаевич и остановился.

Он хотел было пожаловаться на нее, что она таланты в землю зарывает, не работает серьезно и петь могла бы: голос есть. Но вместо этого только провел рукой по лицу, покосился на жену и проговорил, осматривая пепельное небо:

– Нет, надо, надо дождика.

Он подошел к доктору, остановился и весело продолжал:

– А по-вашему, удобрение? А? Вот как высушит все... – Василий Николаевич побороло неприятное чувство, поднявшееся было в нем при этом. – Шутка сказать, месяц нет дождей, а жарыще-то... Какое тут удобрение?

– И Иван Иванович, – проговорил доктор, – пищит: «Я, извольте видеть, докладывал вам, что по нашим местам не в земле, а в небе сила. Земля наша, извольте ли видеть, хлебо-дарная, ей не навоз, ей влага-с нужна, а силы в ней конца нет!» А у самого хлеб уже сгорел; а я вот приехал из колонок – у немцев хлеб еще зеленый. Вот вам и удобрение. Если вы, люди образованные, отрицаете навоз, то чего ж от этих-то спрашивать? – мотнул доктор на речку, из-за которой в зеленой листве сада просвечивался ряд серых, соломой крытых изб.

Василий Николаевич пожал плечами, отошел, опять подошел, посмотрел на доктора и фыркнул.

– Те уж окончательно уперлись, – продолжал доктор, – «не примат навозу наша земля, и баста!» Ну и, не дай бог, еще недельку не будет дождя. Голод?! – горячился доктор. – Немцы, как-никак, что-нибудь соберут... цена будет... а они-то как?

Василий Николаевич насупился и нетерпеливо посмотрел на небо.

– Бог даст, будет дождичек, – поспешно проговорила Марья Александровна, тоже тревожно взглянув на небо и, переводя глаза, остановилась на муже, как бы говоря: «Взволнует он тебя». Муж ответил ей мельком взглядом, означающим «не взволнует», и, сдвинув брови, зашагал по террасе.

– Ждать, что сами додумаются? – продолжал доктор. – Ждите. – И, помолчав, продолжал: – Тут организация нужна, система, та система, которой даже начала еще нет, то есть нет даже ясного, хотя бы отвлеченного сознания безвыходности того положения вещей, какое существует. Нет его даже у вас, у людей, ближе других стоящих к делу. Что здесь делается, как в непосильной, нечеловеческой жизни, в бесполезном труде гибнут силы, мы даже знать не хотим; прежде хотя интересовались, а теперь... мы разлюбили эту мужицкую жизнь, – это так скучно! Мы сидим на их шее, как прежде помещики сидели, и еще хуже; что хуже, доказательство то, что прежде мужики имели что-нибудь, а теперь нет у них ничего; но мы, как и прежний помещик, даже и не сознаем этого. Прежде мужик, доведенный до отчаяния, мог прийти и протестовать пред своим барином по крайней мере. Мы избавились и от этого неудобства: все мы в городе и знать ничего не хотим, – какое нам дело, что мужик, чтоб вырвать у природы урожай сам-три, затрачивает силу, могущую дать урожай сам-двадцать? Что такое сам-три, сам-двадцать, когда наш курс хорошо стоит? Все это ерунда, клевета и вовсе не интересно. Интересна политика, последнее слово, понимание его, интересно, что мы самосознаем себя, интересно и обидно, что нас Запад не признает. Не прежнее ли это доброе время, когда барыня сидит в гостиной и ведет тонкий разговор, а на конюшне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.